

Елена Владимировна Сумина

к. и. н., доцент

Южно-Уральский государственный университет,

филиал в г. Миассе, Россия

E-mail: mandrige@gmail.com

ВКЛАД РАЗЛИЧНЫХ СЛОЕВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ДЕЛО ОСВОБОЖДЕНИЯ БАЛКАНСКИХ СЛАВЯН ОТ ТУРЕЦКОГО ИГА В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.

Начало русско-турецкой войны вызвало в российском обществе большой патриотический подъем, сопровождавшийся крупными денежными пожертвованиями на санитарные нужды армии.

Война в целом была сочувственно встречена населением, видевшим в ней благородную задачу освобождения угнетенных братских народов. Чтение манифеста об объявлении войны везде проходило при большом стечении народа и встречалось криками «Ура!». Развернулось добровольческое движение. В армию шла молодежь, в том числе студенты. Среди добровольцев были крестьяне и рабочие. Солдаты расквартированных в тылу частей также стремились попасть на театр военных действий. Так, когда из полков стоявшей в Риге 29-й пехотной дивизии потребовалось 200 стрелков в действующую армию, то «каждый солдат хотел непременно сам отправиться на войну... Многие со слезами на глазах, доказывая, что они по службе старше выбранных, умоляли отправить их на театр военных действий»¹.

«Сочувствие всех классов общества к войне громадное»², — доносил помощник начальника Владимирского губернского жандармского управления шефу жандармов. Из Царицына сообщали: «В настоящем году настроение народа самое патриотическое, у всех одна цель, одна мысль, одно желание — чтобы государю удалось совершить освобождение славян»³. Народные массы проявляли большую политическую активность, что выразилось в повсеместном интересе к войне; чрезвычайно выросли тиражи газет. Начальник Симбирского жандармского управления отмечал в своем донесении: «Крестьяне, едва выучившиеся читать по складам, прочитывают все попадающиеся им газетные известия»⁴.

Освободительные идеи русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были важнейшей причиной ее популярности среди широких слоев трудового народа России, прогрес-

¹ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1877 г. Д. 35. Л. 59.

² Там же. Д. 125. Л. 23.

³ Там же. Д. 35. Л. 39.

⁴ Там же. Д. 17. Ч. 1. Л. 158.

сивной интеллигенции, среди значительной части российской демократической ответственности.

Сразу после обнародования манифеста о войне началась массовая кампания сбора пожертвований среди населения главным образом на санитарные нужды армии. Донесения властей свидетельствовали, что «в особенности крестьяне... несут большие жертвы» как деньгами, так и вещами в пользу раненых и больных воинов, несмотря на то, что вся тяжесть войны «ложится прямо на этот слой общества»¹. Сбор пожертвований «несравненно успешнее ведется в деревнях», где пожертвования поступают главным образом «разными предметами и продуктами», но «поступают безостановочно» и составляют «едва ли не больше пожертвованного другими, более имущими классами», как сообщалось в донесении из Ефремовского уезда Тульской губернии². Крестьяне жертвовали сухари, муку, овчины, овчинные шубы, полушубки, шерстяные перчатки, чулки, холст и др. Крестьяне только одного Пирятинского уезда Полтавской губернии пожертвовали в 1877 г. 4 500 руб. и 100 пудов холста³, а крестьяне 17 волостей Режицкого уезда Витебской губернии — 150 полушубков, 23 овчинные шубы, 220 овчин, 75 пар рукавиц, 25 пудов сухарей, 117 пудов муки и много другого, а также 3 785 руб.⁴

Широкое распространение среди крестьян получила такая помощь, как отказ от платы за поставленные подводы для перевозки воинских грузов, раненых и больных воинов, за пошив белья и т. д. Так, при мобилизации войск населением Среднего Поволжья по военно-конской повинности было поставлено 6985 лошадей, 98,5% из них — добровольно⁵.

В городах, учреждениях и на фабрично-заводских предприятиях отчислялось в пользу раненых 1–2% зарплаты. Например, рабочие Черепетского чугуноплавильного завода (г. Лихвин) еженедельно отчисляли по копейке с рубля из всех заработков⁶.

Необходимо отметить, что многие российские мусульмане также приняли деятельное участие в движении помощи балканским славянам. Так, внутренняя Букеевская Орда, кроме пожертвованных ею 7 000 руб. в распоряжение Общества Красного Креста, предложила на удовлетворение нужд военного времени 500 лошадей. От султанов этой Орды в распоряжение астраханского губернатора также стали поступать кибитки. Как отмечалось, «такое пожертвование в настоящее время представляется особенно ценным, и тем более от народа, составляющего сплошное магометанское население»⁷.

Крупные суммы жертвовали сословные учреждения. Почин был сделан Московской городской думой, которая уже 12 апреля 1877 г. приняла решение о предоставлении 1 млн руб. на санитарные нужды армии и устройство госпиталя на 100 коек для раненых. Госпитали на пожертвованные суммы содержались почти во всех губернских и многих уездных городах. Кроме того, создавались попечительства для оказания помощи семьям погибших и раненых.

¹ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1877 г. Д. 53. Л. 33–34.

² Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1961–1967. Т. 2. № 350.

³ РГВИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 927. Л. 30.

⁴ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах, 1875–1878: сборник документов. М., 1978. Док. 273.

⁵ Голос. 1877. 3 июня.

⁶ Никитин С. А., Зуева Н. В., Шатохина Е. М. К 90-летию со дня освобождения Болгарии от турецкого ига // Советское славяноведение. 1968. № 1. С. 69.

⁷ Оренбургские епархиальные ведомости. 1878. № 2.

Так, Тамбовский дамский комитет Красного Креста содержал 14 лазаретов, в которых без всякой государственной поддержки было открыто 676 кроватей. Излечившимся оплачивали за счет общества путь домой или на фронт в зависимости от заключения врачей. Кроме того, был оформлен санитарный поезд на 210 человек, а также отправлено в действующую армию значительное количество табака, сахара, чая, одежды и обуви¹.

Не остались без внимания и конкретные воины, и их семьи. Так, добровольцы из числа земляков получили около 2 000 руб., а из иных губерний — около 600 руб. и, кроме того, оплаченные билеты. В 1877 г. Красному Кресту была передана помощь от Курского общественного клуба в размере 4 000 руб., а также был создан фонд помощи раненым и увечным с начальным капиталом в 2 000 руб. В дальнейшем неоднократно финансовое «вспомоществование» получали и семьи погибших, например в 1886 г. было пожертвовано 300 руб. детям погибших офицеров².

В трудные часы Русская православная церковь всегда была со своим народом. Сложно вспомнить какой-либо критический момент в российской истории, когда отсутствовала бы помощь от церкви в целом и от отдельных священнослужителей в частности. Рядовые граждане часто являются пострадавшими от ошибок или вынужденных действий государства, которое не всегда в силах позаботиться о тех, кто стоит на защите его интересов, в частности о раненых. Но церковь, монастырская благотворительность нередко восполняли этот пробел. Так, с началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на территориях, принадлежавших Курскому Знаменскому, Белгородскому Свято-Троицкому, Путивльскому Молченскому и Рыльскому Николаевскому штатным монастырям и Софрониевской, Глинской и Коренной заштатным пустыням, было организовано 150 мест для приема раненых и увечных воинов³. Все подготовленные места находились в непосредственной близости от путей сообщения, по которым предполагалось движение больных и раненых.

Монастыри выгодно отличались от любого благотворительного общества наличием достаточно большого контингента лиц, которые постоянно проживали на их территории и чья деятельность определялась спецификой места проживания, а также диктовала им правила жизни, обусловленные «богоугодностью». Поэтому определение Синода от 24 ноября 1876 г. «Об изготовлении в женских монастырях и общинах разных предметов, потребных для лазаретов, имеющих устроиться внутри Империи»⁴ было выполнено. В частности, уже в следующем 1877 г. в местные управления Красного Креста поступили десятки пудов корпии, бинтов, белья и других вещей, столь необходимых раненым. Так, от Белгородского Рождество-Богородицкого монастыря поступило 11 пудов 29 фунтов, Курского Свято-Троицкого — 7 пудов, а от Борисовской пустыни — 14 пудов 23 фунта⁵.

Необходимо также, на наш взгляд, подчеркнуть личный вклад монашества и священников монастырей в дело благотворительности в этот период. 24 ноября 1876 г. вышло определение Синода об изготовлении отрядов сердобольных сестер для отправления в лазареты, а весной 1877 г. — определение Синода № 328, согласно которому

¹ См.: *Балицкий Р. Н.* Меценатство и благотворительность в Центральном Черноземье в конце XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. С. 121.

² Там же.

³ Там же. С. 133.

⁴ Оренбургские епархиальные ведомости. 1877. № 1.

⁵ *Балицкий Р. Н.* Указ соч. С. 134.

повсеместно из числа добровольцев должны были образоваться «отряды сердобольных братьев». В их обязанности входила забота о раненых и увечных воинах. В кратчайшие сроки из добровольцев Коренной, Софрониевской и Белгородской пустыней, коих оказалось 10 человек, была сформирована группа. О попечении 8 из них взяли на себя заботу сами обители. Так, игуменья Софья, настоятельница Курского женского монастыря, оказала непосредственное содействие формированию состава сиделок для курских госпиталей, которых отличали усердие, благонадежность и опыт. Сама матушка личным примером участвовала в данной деятельности, ухаживая за больными в одном из лечебных заведений¹. Игумен Глинской пустыни о. Иннокентий глубоко переживал тяготы русских воинов. Именно этим объясняется его деятельное участие в строительстве нового больничного корпуса внутри обители. В августе 1877 г. сюда поступил 21 раненый, из которых 19 к концу года полностью поправили здоровье, а лазарет пополнился еще 25 больными в основном низших армейских чинов. Вследствие полного выздоровления всех содержащихся, 29 ноября 1878 г. данное лечебное заведение было закрыто; общий расход монастыря на его содержание составил 2 000 руб.²

Завершая краткий обзор монастырской церковной благотворительности, следует сказать о финансовых средствах, непосредственно ими пожертвованных на благотворительность. Прежде всего с объявлением Манифеста от 12 апреля 1877 г. о войне с Турцией Святейший синод из своих сумм пожертвовал 100 000 руб. на санитарные нужды действующей армии, а его члены решили на все время войны жертвовать на военные потребности все получаемое ими содержание³. По их примеру чиновники центральных учреждений духовного ведомства обязались жертвовать во все время войны по 1% с получаемого ими содержания⁴. «Курские епархиальные ведомости» сообщали, что в распоряжение Курского местного управления попечения о раненых и больных воинах за восемь месяцев 1877 г. поступило 563,5 руб. и два 5% банковских билета по 200 руб. Попечение о раненых и больных воинах было не единственным адресатом финансовой помощи монастырей. В 1877 г. местное управление Красного Креста от всех обителей, вместе взятых, получило пожертвование в 754 руб. 10 коп.⁵ Духовенство Ровенского уезда Волынской епархии пожертвовало 2% с получаемого жалованья на военные нужды⁶. От духовенства Ярославской епархии в местное управление общества попечения о раненых и больных воинах поступило 6 706,56 руб.⁷ Кавказский архиерейский дом и преосвященный кавказский Герман пожертвовали в пользу раненых и больных воинов 2 000 руб.⁸

Нужно отметить, что церковнослужители жертвовали не только деньги. Так, Святейший синод пожертвовал в лазареты действующей армии 20 820 экземпляров духовно-нравственных книг на сумму 871 руб.

Таким образом, само участие церкви и ее иерархов в деле помощи славянам придавало благотворительности особый смысл, привлекало большое число жертвователей. Архипастырские воззвания, поучения христианской любви и глубокого понимания

¹ *Балицкий Р. Н.* Указ соч. С. 134.

² Там же.

³ Церковный вестник. 1877. № 20.

⁴ Там же. № 40.

⁵ *Балицкий Р. Н.* Указ. соч. С. 135.

⁶ Оренбургские епархиальные ведомости. 1877. № 22.

⁷ Там же. 1877. № 23.

⁸ Там же. 1878. № 9.

важности переживаемой православным славянством эпохи привлекли в славянские комитеты громадные пожертвования¹.

Представители российской интеллигенции также приняли непосредственное участие в движении помощи славянам. Многие из них считали войну нужной для освобождения славян и были заинтересованы в удачном ее исходе, а некоторые даже добровольно вступили в Дунайскую армию. Известно участие в этих событиях семьи замечательного русского живописца В. Д. Поленова, побывавшего в Сербии в 1876 г., а затем отправившегося на фронт в Болгарию. Сестры художника Е. Д. и В. Д. Поленовы добровольно работали в Киевском госпитале и самоотверженно ухаживали за обмороженными солдатами². В войне приняли участие три брата Верещагиных. Знаменитый российский художник В. В. Верещагин, как и другие художники-добровольцы, событиям освободительной войны посвятил многие свои работы³. Участвуя в войне 1877–1878 гг., лучшие представители интеллигенции России внесли достойный вклад в освобождение народов Балканского полуострова, в упрочение дружественных связей с ними.

Передовая российская интеллигенция проводила большую работу по организации благотворительных концертов, спектаклей, выставок. В этой работе принимали участие выдающиеся деятели российской культуры. Осенью 1877 г. пианист Н. Г. Рубинштейн предпринял гастрольную поездку по городам центра и юга страны в пользу Красного Креста⁴. 30 октября 1877 г. в Петербурге с той же целью открылась выставка картин И. К. Айвазовского. Из 13 выставленных картин 6 были посвящены событиям войны, например бою русского парохода «Весты» с турецким броненосцем у Кюстенджи и др.⁵ Общество «взаимного вспоможения и благотворительности» русских художников в Париже вручило 5 тыс. франков российскому послу для передачи в фонд помощи «нижним воинским чинам, раненым под Плевною».

Проводились также публичные лекции, в которых освещались ход военных действий, быт войны. В ноябре 1877 г. в Петербурге состоялась лекция профессора Академии Генерального штаба А. И. Беренса, разобравшего отдельные боевые операции на Балканах, в январе 1878 г. — лекция военного корреспондента Н. Н. Каразина «Об обыденной жизни и боевой обстановке русских солдат»⁶. Подобные мероприятия вызвали большой интерес у публики и имели не только экономическое, но и воспитательное значение.

Падение Плевны и российские победы на Кавказе вызвали новый подъем национально-освободительной борьбы балканских народов. 1(13) декабря 1877 г. Сербия снова объявила Турции войну. Черногория активизировала военные действия против османских войск. Сербский и черногорский народы, приютившие у себя многочисленных беженцев — боснийцев и герцеговинцев, переживали большие трудности. Общественные и государственные деятели Сербии и Черногории не раз обращались за помощью к России, к российскому народу.

Несмотря на предельное напряжение собственных сил, россияне продолжали относиться к нуждам балканских славян — болгар, боснийских и герцеговинских беженцев,

¹ Оренбургские епархиальные ведомости. 1878. № 3.

² Орлик О. В. Представители прогрессивной русской интеллигенции России — участники русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 1978. № 4. С. 89–95.

³ Там же. С. 91.

⁴ Московские ведомости. 1877. 21 сент.

⁵ Там же. 29 окт.

⁶ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1877 г. Д. 50. Л. 85–86, 102–103.

сербов, черногорцев — с неизменным сочувствием и стремились оказать им посильную помощь. Уполномоченный Петербургского славянского комитета М. Дерглицкий писал, что, собирая пожертвования среди крестьян на санитарные нужды российской армии, он прежде всего сообщал им о тяжелом положении славян и освободительном характере войны. Крестьянские массы, как писал он, ознакомившись «более или менее» с «тяжелым положением» поработанных славян, сразу же проникались «участием к ним»¹. Пожертвования в пользу балканских славян и во время русско-турецкой войны 1877–1878 г. продолжали стекаться с разных концов России.

Потребность в одежде особенно остро возникла в Черногории, а также в Сербии и Боснии осенью и зимой 1877–1878 г. В октябре 1877 г. в российской прессе было опубликовано обращение черногорского митрополита Иллариона к российскому народу с просьбой о помощи. «Всеми миру известно, что в Черногории находятся более 100 тыс. босняков и герцеговинцев, которые бежали... спасая свою жизнь... До сих пор участь несчастных беглецов, благодаря щедрой помощи братского народа русского, была еще довольно сносная. Но теперь они начинают терпеть нужду... бывшая на них одежда... так изнасилась, что эти несчастные теперь уже почти ничем не защищены от холода и непогоды... Мы не можем без ужаса подумать о том, что будет с ними, когда наступит зима со всею ее суровостью: от холода и голода они будут гибнуть сотнями...» Митрополит призывал русский народ прийти на помощь «несчастливым»².

Еще раньше, 9 октября 1877 г., в газетах «Голос» и «Московские ведомости» было опубликовано обращение члена Петербургского славянского комитета П. А. Васильчикова, вернувшегося из Черногории и сообщавшего о бедственном положении герцеговинцев и черногорцев, в особенности детей-сирот. Если от голода население Черногории и герцеговинцев-беженцев «спасают хлебные запасы», образованные за «счет русского правительства», — писал он, — то «полное почти отсутствие одежды» стало труднейшей для Черногории проблемой, так как ни за какие деньги одежды, белья и др. в княжестве купить нельзя. «Все привезенное из России и розданное в прошедшее время изнасилось: народ положительно оголел». Раненые поступали в госпитали «в таком рубище, которого и мыть невозможно»³. Васильчиков обратился к российскому обществу с призывом к новым пожертвованиям всевозможной одежды, белья, обуви и др. «Читатель, читательница! — восклицал П. А. Васильчиков, — вы прочли: эти сказочные богатыри, эти легендарные герои голы, их женщины, носящие провиант на поля сражения отцам, мужьям, сыновьям и братьям, — без рубах ходят, рубищ их детей мыть невозможно»⁴.

После обращения боснийских беженцев, находившихся в Австро-Венгрии и терпевших большую нужду, в Петербургский славянский комитет с просьбой о помощи в ноябре 1877 г., по всей России (в центральных и провинциальных газетах) был объявлен призыв к пожертвованиям в пользу «бедствующих славян». Вновь из разных концов страны стали стекаться пожертвования, составлявшие значительные суммы, и большое количество одежды, обуви и других вещей, которые были отправлены затем в Черногорию, Сербию, Боснию.

В отчете смоленского губернатора за 1877 г. говорилось, что, кроме суммы 10 419 руб. 88 коп., «для пособия славянам» были собраны также «белье, теплая одеж-

¹ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах... Док. 247.

² Московские ведомости. 1877. 28 окт.

³ Голос. 1877. 9 окт.

⁴ Там же.

да, обувь и др.»¹. Правление Юнаковской волости Сумского уезда Харьковской губернии сообщало в Петербургский славянский комитет о собранных для славян 500 пудах сухарей²; крестьяне села Большой Джалги Ставропольского края собрали «в пользу раненых воинов и разоренных болгарских семейств» 200 руб. серебром, а также много вещей, в том числе 79 мужских рубах, 46 платков, 37 полотенец, 3 овчинных полушубка, 1 тулуп, а также сукно, нитки, чулки, овчины, разной мужской и женской одежды³. Служащие суконной фабрики станции Рассказово Тамбовской губернии, «согласаясь между собой», собрали 100 руб. серебром и в письме от 23 декабря 1877 г. просили Главное общество попечения о раненых и больных воинах «послать бедным нашим братьям — черногорцам для праздника рождества Христова»⁴.

В отчете центрального склада Общества попечения о раненых и больных воинах от 17 апреля 1877 г. указывалось, что из пожертвованных в пользу славян вещей, находившихся в тот момент на складе на сумму 52 200 руб., чисто крестьянские составляли 71%, причем отмечалось, что пожертвования из месяца в месяц возрастали, несмотря на вступление России в войну. Автор отчета делал вывод: «Сочувствие славянам в русском народе не есть минутная вспышка: оно продолжает обнаруживаться и ныне...», «желание улучшить участь своих собратьев по вере и народности» не есть желание какого-либо «отдельного кружка», а глубокое чувство, проникшее «в сознание народной массы»⁵.

Помощь славянским народам поступала не только от частных лиц, им была оказана поддержка и на правительственном уровне.

15 декабря 1877 г. Сербия получила от российского правительства вторую половину субсидии — 500 тыс. руб. «на содержание сербских войск», а 3 мая 1878 г. ей было выдано еще 250 тыс. руб. на продовольствие для сербских войск; 13 сентября 1878 г. она получила субсидию в 104 тыс. 700 руб. Всего же Сербией было получено субсидий от российского правительства за время войны 1 665 260 руб.⁶

Особенно остро нуждалась в помощи Черногория, материальные средства которой к моменту подписания перемирия (октябрь 1876 г.) оказались в состоянии, близком к полному истощению. Положение осложнялось притоком беженцев из Герцеговины, которых скопилось там к началу 1877 г. до 74–80 тыс. человек. Черногория, не имевшая с 1876 г. никаких внутренних доходов (поля не обрабатывались, налоги не взыскивались), не могла прокормить ни своего народа, ни пришлого населения. 3 декабря 1876 г. российское правительство ассигновало «на нужды Черногории» (как и Сербии) единовременную субсидию 1 млн руб. Еще раньше, с мая 1876 г., российское правительство начало ежемесячно выдавать деньги специально на покупку хлеба для герцеговинских беженцев сначала по 40 тыс. руб. в месяц (май, июнь, июль, август), потом по 50 тыс. руб. Хлеба не хватало и для самого черногорского населения и армии.

В декабре 1876 г. российское Министерство финансов ассигновало 650 тыс. руб. на закупку продовольствия для населения Черногории и бежавших туда герцеговинцев. На эти деньги в Одессе был закуплен хлеб, и с 21 декабря 1876 г. по 16 февраля 1877 г. направлены в Черногорию пароходы: «Россия», «Азов», «Нахимов», «Чихачев», «Це-

¹ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах... Док. 309.

² Там же. Док. 298.

³ Освобождение Болгарии... Т. 2. С. 314.

⁴ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1312. Л. 11.

⁵ Правительственный вестник. 1877. 17 апр.

⁶ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах... Док. 314.

саревич» и «Одесса» с грузом свыше 700 тыс. пудов муки и кукурузы¹. Для собственно черногорского населения и армии российским правительством были отпущены средства для закупки 40 тыс. четвертей хлеба².

В дальнейшем хлеб для герцеговинских беженцев закупался преимущественно в Триесте (при посредничестве российского консула) доверенным лицом черногорского правительства воеводой Натановичем. Выдача хлеба производилась в пограничных городах Австро-Венгрии — Которе, Перате, Рисано по 12–16 кг ежемесячно на душу населения. Однако в связи с увеличением числа беженцев, повышением цен на хлеб и понижением за границей с начала русско-турецкой войны курса рубля суммы этой было уже недостаточно. Натанович задолжал хлеботорговцам, которые прекратили отпуск хлеба в кредит. Сложилось катастрофическое положение: герцеговинцам угрожал голод. Черногорское правительство было не в состоянии решить эту задачу, так как собственное население и черногорская армия, как уже упоминалось, кормились на средства, предоставляемые Россией³.

Российский генеральный консул в Триесте А. Б. Гирш 3 декабря 1877 г. телеграфировал в Петербург о необходимости безотлагательных мер для заготовления «новых запасов хлеба» и погашения долгов. Критическое положение в снабжении хлебом герцеговинских беженцев было ликвидировано рядом принятых мер: российское правительство взяло на свой счет уплату всех указанных долгов, а с 1 января 1878 г. ассигновало «к отпуску на тот же предмет» по 68 тыс. руб. в месяц⁴.

Отпуск денег на покупку хлеба для герцеговинских беженцев продолжался по октябрь 1878 г. Всего российским правительством было ассигновано на покупку хлеба для герцеговинцев 2 238 482 руб., а вместе с отпущенными российским правительством на нужды Черногории за время с сентября 1875 г. по май 1879 г. сумма составила 4 829 639 руб., не считая частных пожертвований, которые шли через славянские комитеты. Всего частных пожертвований на покупку хлеба (по счетам Матановича) было получено из России за 1875–1877 гг. 585 тыс. гульденов⁵. Россия продолжала субсидировать герцеговинских беженцев и после войны, до возвращения их на родину.

Несмотря на то что война легла тяжелым бременем на плечи народа России, освободительные идеи русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были очень популярны среди всех слоев населения. И народные массы России, и представители российской интеллигенции считали ее справедливой войной за освобождение угнетенных единоверных братьев; многие из них добровольно вступили в Дунайскую армию.

Сразу же после обнародования манифеста о войне началась массовая кампания сбора пожертвований среди населения на санитарные нужды армии. Госпитали на пожертвованные суммы содержались почти во всех губернских городах. Только в 1877 г. на нужды войны было собрано 14 млн руб.⁶ Немалую роль в общероссийском движении помощи южным славянам сыграла Русская православная церковь, воззвания которой привлекли в славянские комитеты громадные пожертвования. Кроме того, и российское правительство оказало значительную материальную помощь балканским славянам, что позволило им продолжать борьбу за свое освобождение.

¹ Освобождение Болгарии... Т. 1, № 387, прим. 1.

² Там же. Т. 2, № 343.

³ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах... Док. 314.

⁴ Освобождение Болгарии... Т. 2, № 343.

⁵ См.: *Нарочницкая Л. И.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах в 1875–1878 гг. М., 1979. С. 100.

⁶ *Яковлев Н. Н.* Участие русского народа в освободительной борьбе балканских славян в 1876–1878 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1964. С. 4.